

I.V. Kozhevnikova

the teacher of the public state special (correctional) institution of Sverdlovsk region for trained, pupils with limited opportunities of health «Novouralsk special (correctional) comprehensive school № 50» (Novouralsk, Russia)

**WAR AND HUMAN DESTINIES:
BITTER PRICE OF THE VICTORY**

In article it is told about preparation at «Novouralsk special (correctional) comprehensive school № 50» «Book of the memory» devoted to the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, veterans, «Book of memory»

*A.C.Kozlov**

**ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК
«ПРОЯВЛЕНИИ ВИЗАНТИЗМА»**

Исследуются явно непродуктивные попытки тех западных историков, которые пытаются оценивать внешнюю политику СССР и в том числе Великую Отечественную войну как реализацию «византизма», восходящего к континуитету политики России от политики Византийской империи и обоснованного мыслителями типа К.Леонтьева и В.Соловьева.

Ключевые слова: историография, Великая Отечественная война, западная советология, византизм

Актуальность темы видна хотя бы в том, что не только среди части историософствующих историков, но и склонных к ретроспективному взгляду политологов с 50-х гг. XX в. временами возникает мнение: если не евразийство, то новый византизм станет в центр фундаментальной идеологии России. Причем те исследователи в западной исторической мысли, кто считает себя последователями А. Тойнби, все же склонны рассматривать византизм на рубеже XX–XXI в. не только как традицию православия, но и как чувство госу-

* Козлов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков, Департамент «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; alarich@olympus.ru

дарственной общности с Византией (см. высказывания на этот счет Т. фон Лауе, Теодора Шанина, К. Кумара). При том, надо сказать, что сам Тойнби настолько далеко не заходил. Он делал акцент на том аспекте византизма, который подчеркивал специфику западной политики России: русские в их активном взаимодействии с Западом постоянно демонстрировали противоречивость своих реакций; ими двигало упорное желание сохранять собственную идентичность и независимость от Европы и, вместе с тем, им хотелось ни в чем не отставать от нее.

Ряд современных западных специалистов (особенно немецких) верно уловив суть византизма (в том виде, как его преподнесли К. Леонтьев и В. Соловьев) как православный этатизм, четко определяет и его признаки: 1) приоритет духовного делания над личным преуспеванием; 2) приоритет государства над обществом; при этом второе прямо вытекает из первого, а цели разных групп и личностей подчиняются целям государства, которое создает условия для их духовного преуспевания. Государство тянет людей к Богу, отодвигая на второй план их материальные устремления. Подобная модель, как отмечает Э.К. Суттнер, отличается от западноевропейской, которая предполагает приоритет личных и групповых интересов. В советский период, замечают такого рода изыскатели, византизм дошел до пределов своего исчерпания, однако был спасен Сталиным, который не дал «троцкистам» и «бухаринцам» реализовать свои авантюристические и, в конечном итоге, западнические проекты [7, с. 505; ср.: 1, с. 392].

Нетрудно заметить, что таких зарубежных исследователей прежде всего волнует тот аспект византизма, который касается его отношений с европейской (читай – западной) системой ценностей. И здесь исторический феномен Великой Отечественной войны привлекает их внимание далеко не в последнюю очередь. Правда специальных работ на этот счет, насколько мне известно, не существует. Зато есть несколько групп (если угодно – типов) наблюдений над тем, насколько те или иные моменты византизма пронизывали, дескать, советскую политику в 1939 – 1945 гг.

Например, некоторые западные исследователи «советского менталитета» периода Второй мировой войны отмечают, что для византизма начала этого периода определяющей является мысль о том, что Россия в одиночестве была бессильна и только в союзе с другими народами оказалась в состоянии выполнять свою миссию. Таким образом, сила России в 1941 – 1945 гг. оказалась в соборном единении с другими народами, тем самым именно в России были все предпо-

сылки для реализации соловьевской идеи о том, что «христианская семья народов не есть семья христианских народов» [3, с. 58]. Но политика византизма (в том числе и с сентября 1939 г.) может рассматриваться и как продолжение собирания народов России в единое целое, где национальное религиозное и все другие виды своеобразия не только сохранялись, но и формально гарантировались в законодательном порядке. Во внутренней политике византизм проявлялся в создании максимально жестких правил развития духовной и экономической жизни каждого народа, включаемого в состав СССР, – независимо от его численности и конфессиональной принадлежности [5, с. 48–50].

Ряд исследователей внешней политики СССР (Л. Пеано, Э. Мюллер, А. Брюкнер) походя замечают, что слабостью оценок расширения зоны советского влияния в 1944–1945 гг. в свете «традиций византизма» в сталинской политике является тот факт, что установление тесных контактов со странами бывшей византийской Ойкумены вело внешнюю политику к сдвигам к периферийным направлениям. Однако формы контактов СССР с Грецией, Сербией, Эфиопией, Кипром, Болгарией и другими зависели от конкретной международной обстановки (во многом исходя из отношений с союзниками, а не из генетических традиций «восточного вопроса») и определялись конкретно в каждом отдельном случае [8, с. 79].

Отдельно отмечается, что к особой группе стран бывшего «византийского содружества» (термин Д.Оболенского, Великобритания), относились на заключительном этапе войны Кипр, Эфиопия и Македония. Единственное, что отличало их от стран типа Болгарии – это неготовность (в том числе – и на сегодняшний день) к той степени сближения и даже интеграции с Россией, что отличало Белоруссию, Армению и Сербию. В силу ее особого места, полагают подобные наблюдатели, должна быть отдельно рассмотрена Греция. Интегрированная довольно основательно в западные структуры еще до октября 1940 г., Греция в период войны оставалась зоной влияния не «византийско-имперских вызовов России», а Британской империи, но сейчас оказывается «ахиллесовой пятой» в системе НАТО и более того, в случае определенного развития событий может стать «пятой колонной» в НАТО, каковой и является по своей потенциальной настроенности уже сегодня [2, с. 121]. Спорное, но актуальное наблюдение.

В духе «импрессионистского налета», долго доминировавшего в американской историографии, по замечанию Р.К. Рэека, давались

(и иногда даются до сих пор (см. работы сторонников «генерализационного направления» в исторических исследованиях 1960-х гг.) странные оценки соотношения византизма и патриотизма в войне 1941–1945 годов. [4, с.215]. Такого рода «открытия» могут коррелироваться с некоторыми наблюдениями над развитием идеологии. Отличие византизма от всех европейских идеологий предвоенного и военного времени, по мнению В. Шлапентока, например, состоит в том, что византизм находился (и находится) по ту сторону нигилизма. В отличие и от коммунизма Маркса, и от «демократии» ценностные установки сталинского византизма имели абсолютный характер, поскольку принцип тотального низвержения одних ценностей для утверждения других ценностей был ему совершенно чужд. Отсюда – и феномен сталинистского патриотизма 1930–начала 1950-х годов. Для этого византизма определяющим являлась позитивная установка по отношению ко всем «формациям» (?) [6, с. 32–33].

Историософия предоставляет безграничное поле для таких суждений. Так, византизм Сталина, по мнению У.Мосса, будучи идеологией православного религиозного мировосприятия и продуктом последнего, вместе с тем не был «воцерковлен» в смысле отождествления себя в полной мере с идеологией псевдорелигиозного типа (каковой являлся сталинский коммунизм), а являлся идеологией государственного строительства, призванного обеспечить единство абсолютного и относительного – государственного созидания и стремления к Абсолюту (в том числе – и в достижении Победы до полной и безоговорочной капитуляции врага) – иначе говоря, к полному решению поставленных государством задач [2, с. 283–284].

Стройной системы в использовании леонтьевского или соловьевского подхода к византизму в зарубежных исследованиях нет, как нет и специальных работ по проверке актуализации применения этого феномена к истории советского периода в целом и истории Великой Отечественной войны – в частности. Глубокие и серьезные исследователи, имеющие дело с эмпирикой источников, предпочитают не делать обобщений, связанных с проецированием православного этатизма на СССР сталинского времени. Апелляции к византизму советского общества и векторов внешней политики СССР в период Великой Отечественной войны в крупных и значимых работах западных авторов носят исключительно выборочный характер, граничащий с публицистичностью. Труды, где подобные приемы являются правилом, хотя и входят в фонд историографии, посвященной драме 1941–1945 гг., но не являются основополагающими для углу-

бления знаний об этом периоде, а скорее служат данью инерции некоторых направлений советологии 1950–1960-х гг., имеющих слабое отношение к вдумчивой исторической науке.

Библиографический список

1. *Hösch E.* Geschichte Russlands: vom Kiever Reich bis zum Zerfall des Sowjetimperiums. Stuttgart, Berlin, Köln, 1996.
2. *Moss W.* A History of Russia: Since 1855 (Anthem Series on Russian, East European and Eurasian Studies). Anthem, 2005. Vol.2.
3. *Poe M.T.* The Russian Moment in World History. Princeton, 2003.
4. *Raack R.C.* Stalin's Drive to the West, 1938–1945: The Origins of the Cold War. Stanford (Cal.), 1995.
5. *Service R.* Russia: Experiment with a People. Cambridge, 2003
6. *Shlapentokh V.* A Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and How It Collapsed. Armonk, N.-Y., 2000.
7. *Suttner E.C.* Kirche und Nationen. Beiträge zur Frage nach dem Verhältnis der Kirche zu den Völkern und der Völker zur Religion (Das östliche Christentum, 46). Hbd.2. Würzburg, 1997.
8. *Weeks A.L.* Stalin's Other War: Soviet Grand Strategy, 1939–1941. Lanham, 2002.

A.S. Kozlov

Candidate of historical Sciences, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

WESTERN HISTORIOGRAPHY ON THE GREAT PATRIOTIC WAR AS THE MANIFESTATION OF «BYZANTISM»

Investigated is clearly unproductive attempts by those Western historians who are trying to evaluate the foreign policy of the USSR and including the Great Patriotic war as the implementation of Byzantism», rising to the continuity of Russia's policy from the policy of the Byzantine Empire and informed thinkers of type K. Leontiev and B. Soloviev.

Key words: historiography, the Great Patriotic war, the Western Soviet studies, Byzantism.